

28 августа 2019 г. исполнилось 120 лет со дня рождения Андрея Платонова. Одним из сильных предъюбилейных впечатлений стало помещенное на портале «Горький» [интервью](#) членкора РАН Н.В. Корниенко об успехах на платоноведческой почве. Прочитав его, я обратился к редакции портала с ответной репликой. Однако она не была опубликована; видимо, «Горький» (nomen est omen) вполне солидарен с позицией Н.В. Корниенко. Поэтому выкладываю свой текст здесь.

ПРИ ТАКИХ ДРУЗЬЯХ И ВРАГОВ НЕ НАДО (О «школьном» Платонове и вредительстве на платоновской почве)

Итак, интервью. В целом — обычная самореклама: бодро рассказано, как Платоновская группа ИМЛИ под руководством интервьюируемой ухитрилась за 20 лет выпустить целых два тома научного Собрания сочинений писателя и продолжает в том же духе. Гораздо интереснее — бойкое заглавие: «В школьной программе не место “Котловану” Платонова». Тезис, мягко говоря, оригинальный, поэтому приведу расширенный контекст. Вот как рассуждает Н.В. Корниенко про «актуальность Платонова сегодня»:

На мой взгляд, в школьной программе не место «Котловану» Платонова, и, когда его ввели туда, большую ошибку сделали. В этой политической акции ярко проявила себя все та же власть «текущего момента»: из школьной программы демонстративно убрали «Поднятую целину», а вместо романа Шолохова ввели «Котлован». Этого нельзя было делать, я (для себя) назвала эту кампанию актом вредительства. Во-первых, школьникам предлагали сильно исправленный текст повести. <...> Во-вторых, учителю для интерпретации тончайшего художественного текста был предложен политологический взгляд на повесть. И в-третьих, входить в мир Платонова через «Котлован» — это безумие, особенно для школьника. Дайте подростку рассказы Платонова о любви, «Фро» или «Реку Потудань» — один из шедевров Платонова, немыслимый рассказ. Дайте рассказы о войне, у нас ведь такой прозы о войне, как у Платонова, больше нет. Лучше всего начинать читать Платонова в детстве, и хорошо, что в программе есть «Уля», «Мама», детские рассказы и сказки. Нужно начинать с них.

Стало быть, «Котлован» в школе — акт *вредительства*. Примечательное словцо в устах человека, занимающегося литературой 1920-х — 1930-х годов; ибо такой человек не может не понимать, что говорит. Для тех, кто не в курсе, — объясню. Деяния, которые в платоновские времена на обыденном языке назывались «вредительством», подпадали под статью 58-7 УК РСФСР (в редакции 1927 г.) и квалифицировались следующим образом:

Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий, или противодействие их нормальной деятельности...

А наказание «вредителям» полагалось следующее:

...Расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнание из пределов Союза ССР навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества.

В таком вот контексте мыслит Н.В. Корниенко проникновение «Котлована» в школу. Могут возразить, что она, мол, не о «подрыве» государства говорит, а об искажении Платонова: его повесть, видите ли, читается школьниками в «сильно исправленном» (конечно, «вредителями») виде. Лично мне кажется, что нападки на «политологический взгляд» — это как раз про «подрыв». Но об этом ниже; сперва разберемся с «сильно исправленным» текстом.

Прочитав интервью Н.В. Корниенко, я рефлексивно потянулся... нет-нет, всего лишь к полке книжного шкафа, где у меня стоят платоновские и околоплатоновские издания. В частности — сборник произведений Платонова «Взыскание погибших», выпущенный в 1995 г. издательством «Школа-пресс» в серии «*Круг чтения: школьная программа*». Комментарии в этой книге составила... правильно, Н.В. Корниенко; на моем экземпляре есть ее дарственная надпись. Более того — он и текстологией занималась: в этом издании повесть «Котлован» была издана в «правильном» виде. В комментарии той же Н.В. Корниенко объявлено: «В нашей книге “Котлован” впервые публикуется с учетом правки самого Платонова, на основании двух прижизненных машинописей повести» (с. 655).

Это было 25 лет назад. С тех пор соответствующий текст «Котлована» издавался многократно и продолжает издаваться. Как видим, ни о каком «искажении» повести речи давно нет.

Добавлю еще одну пикантную подробность. В 1996 г. вышел (и потом был неоднократно переиздан) школьный учебник по русской литературе XX в. для 11 класса под редакцией В.В. Агеносова. Есть там и глава о Платонове — причем ее автор... ну, вы уже догадались. Занимает она 35 страниц, из них половина — о

«Котловане». Таким образом, сама Н.В. Корниенко всемерно содействовала внедрению «Котлована» в школу; иначе говоря, рьяно способствовала «вредителям» от образования — что бы она сама теперь, под влиянием очередного «текущего момента», ни говорила.

Хотя теперь-то мы узнали, что почти три десятка лет Н.В. Корниенко тайно льет слезы по безвременно ушедшей «Поднятой целине»... Пропаганда лживой шолоховской поделки взамен «Котлована» — весьма достойная позиция для членкора РАН. Кажется, нам предлагают поверить, будто в «Поднятой целине» нет ничего «политологического» — ни двадцатипятидесятичников с раскулачиванием, ни Половцева с Лятевским и всякими там Островновыми... Значит, остается одно: примемся всем классом хихикать над дедом Щукарем и обсуждать, стоило ли Давыдову спать с Лушкой; ну и опять же родная природа — «донские соловьи» и прочая фауна...

У Платонова тоже рекомендовано выбирать рассказы «про любовь» — чтобы подросток увлекся. Но, похоже, героическая (и, как вытекает из интервью, не оставляющая надежд на завершение) работа с текстами писателя затмила у Н.В. Корниенко представление о том, что в его произведениях имеют место не вполне «школьные» сюжеты. Ибо в названных ею «немыслимых рассказах» любовная тема реализована через сексуальные мотивы, которые не слишком соотносятся с реальной школьной атмосферой. Могу вообразить, с каким азартом подростковая аудитория примется обсуждать импотенцию персонажа в «Реке Потудани» или половой голод героини «Фро». Рядовой учитель, пожалуй, не сумеет внятно связать «плотские» аспекты с теми прекраснотушными образами, за которые ратует Н.В. Корниенко. В итоге от произведений этих в школе останутся рожки да ножки.

В суждениях о «детских» (про детей) рассказах тоже проступает знакомая тенденция. Давайте, давайте беспрестанно говорить про любовь к родной земле, природе и животным (например, коровам). Сведем Платонова к отважному сюсюканью в духе сталинской пропаганды: «Как невесту родину мы любим, бережем как ласковую мать». И про войну, разумеется, давайте безостановочно твердить — поставим Платонова в строй победобесных пропагандистов, сделаем из него советского патриота. Финальный тезис одного из упомянутых в интервью рассказов: «Вся наша Родина — еще мама тебе»; вот и давайте внушать эту мысль. Или Н.В. Корниенко предлагает заодно ввести младших школьников в тему государственного террора, сообщить им про ГУЛАГ, аресты детей, расправы над ЧСИРами? Ведь именно

в такой обстановке Платонов писал про «родину-маму» — которая несколькими годами раньше убила его собственного сына, замучив по той же 58-й статье, по которой расстреливали «вредителей». Однако непохоже, чтобы интервьюируемая хотела поднимать подобные вопросы.

Стало быть, говоря про рассказ «Старый механик» (это тот, где «народ неполный»), тему потерянного сына не заметим? Не будем читать вот *это*:

Умерший сын точно ослабел и отстал где-то от своих родителей и навсегда потерялся в земле. Слабый голос умершего еще звучал иногда в душевном воспоминании отца, но голос тот был уже еле слышен и не трогал болью сердце Петра Савельича; лишь в сновидении, очень редко, образ умершего сына, жалкий и смутный, но живой, близко виделся отцу, и тогда отец кричал по сыну и звал его к себе из могилы; однако это длилось одно небольшое мгновение, потому что механик сразу же просыпался, чтобы не умереть от горя во сне.

Написано примерно через два года после ареста Платона Платонова. Что же, игнорируем во избежание «политологического взгляда», чтобы не «подрывать» те самые устои? А цитируя рассказ «Взыскание погибших»: «Она снова припала к могильной мягкой земле, чтобы ближе быть к своим умолкшим сыновьям. И молчание их было осуждением всему миру-злодею, убившему их, и горем для матери, помнящей запах их детского тела и цвет их живых глаз...» — примемся бубнить, что это исключительно про фашистов? Умолчим, что в октябре 1943 г., когда был создан рассказ, Платонов писал жене с фронта:

Сегодня 9 месяцев минуло со дня смерти нашего сына. Прошло с его смерти ровно столько же времени, сколько он пролежал перед рождением в твоём чреве. И вот уже 270 дней прошло, как он ушел ото всех живых, почти триста суток он лежит в земле.

Как со всем этим поступать в рисуемой Н.В. Корниенко сенильно-сервильной школе? Спишем все на негодяев (бесспорно) нацистов, а про НКВД и вообще про наше российское систематическое самоуничтожение в XX веке — ни слова? Видимо, так. Станем умиляться тем, как в платоновских рассказах здоровеют детки, окруженные заботой «семьи народов» вообще и «общего отца» в частности. Вполне современная картинка. А повесть с землекопами-лемурами, пляшущими антропоидами-колхозниками, кулаками на плоту, умершими Юлией и Настей и т.п. — изыдем из программы. Уж не знаю, какой стерилизованный «Котлован» намерена внедрить Н.В. Корниенко, но стремление оторвать

Платонова от «социологии» эпохи с ее трагическими коллизиями — это, говоря по-простому, насаждение вульгарного сталинистского вранья. Позиция, по-моему, позорная.